Лермонтов М.Ю. 0891 63

Учительская газета. - 1991. - 30 июля - 6 августа. - с. 11

К нам Лермонтов сходит, презрев времена

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ. С портрета Л. ПАСТЕРНАКА.

ЛИРЫ ЗВУК...

Прекрасен и необъятен звуковой мир Лермонтова. «Звук святой» — это его обитель. Музыкальность «как некий вид дыхания» — характер и образ его поэзии. Лермонтов считал, что призвание поэта — слышать все: звучание морских волн, звучный сильный разговор океана, гул стихий... И он сердцем ощущает, слышит чудный мощный этот звук волн, который для него «звучней, чем ветра вой и шум древесный...».

ТАКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ, как «музыка моего сердца», «звук слез», «звук лиры», постоянно встречаются в дневнике юного Лермонтова, в стихах. А его желание в письмах ставить над словами ноты? Иначе он не слышит звука голоса пишущего. Слово Лермонтова насквозь пронизано музыкой, мелодией, оно действительно звучит. А поэзия и начинается там, где слово облекается в высшую художественную форму — стихотворную. Сказать точнее — музыкально-стихотворную. Белинский, читая Лермонтова, воскликнул: «Здесь поэзия становится музыкой!»

Муки сомнений, тревоги и душевная боль, сердечная тоска, ревность, разбитая любовь, даже «болезнь жизни — скука» — все это сопрягается у Лермонтова со звуком. А родившийся звук и влечет за собой дивную жажду песнопения. Нет ничего на свете дороже этой жажды... Но как утолить ее, как найти звук?.. Как создать эти «песни неземные»? Отрешиться от жизни, удовольствий, любви... Овладеть поэтическим мастерством. Действительно поражаешься, как умел Лермонтов найти нужный размер, соответствующий настроению стихотворения, найти неповторимые внутренние созвучия и рифмы, расставить четкие цезуры. Стихотворение «Выхожу один я на дорогу...» В. Ключевский назвал пьесой, которая освобождает композитора от труда подбирать мотивы и звуки при переложении на ноты.

Даже свои стихотворения Лермонтов иногда определяет словом «мелодия». Взять хотя бы его «Русскую мелодию», где внезапно оборванный звук струны балалайки, где слышится начало песни, но «никто конца ее не допоет».

«Странные» характеры героев, «мятежные» чувства, преступные страсти — все это романтические рецепты, взятые Лермонтовым-мальчиком у Байрона, Гюго, Шекспира, у «неистовой» французской поэзии. А надо пробудить людей **своим** волшебным словом! Как найти его? Об этом мучительно думал Лермонтов. Думал еще в пансионе.

Московский университетский благородный пансион был тогда, пожалуй, единственным учебным заведением, где уровень преподавания не знал себе равных. Словесность, музыка, классические языки, риторика, театральное дело в сочетании с огромным авторитетом книги, ролью чтения и поэзии — все это чудесным образом развивало силу воображения тринадцатилетнего Лермонтова. Отсюда же и ранний его профессионализм. Не то, что он никогда не был учеником — был. Но он никогда не был дилетантом.

Поэтический рост его заметнее всего проявлялся в стихотворной технике, в рождении и развитии музыкальной мысли, в благозвучии.

Порой тот или иной человек оставлял о себе мимолетное впечатление, но звуки его голоса вдруг пробуждали в Лермонтове такой интерес, что он тут же искал летучий лист бумаги... Его завораживали голоса, в пении он ощущал внутреннюю жизнь человека. Мария Михайловна, мать поэта, по воспоминаниям очевидца, тоже была одарена душою музыкальной. Посадив ребенка своего себе на колени, она заигрывалась на фортепиано, а он, прильнув к ней головкой, сидел неподвижно. Звуки как бы потрясли его младенческую душу. И слезы катились по его личику. Мать передала ему эту необычайную нервность свою...

«История любви, нежности, душевной изысканности... музыкальной утонченности матери Лермонтова — целый роман»,— вспоминал один из друзей поэта по гусарскому полку.

Особенно интересовала юного поэта русская музыка, он уже тогда начинал понимать, что его волнует история своего Отечества. Интерес этот возник даже раньше, чем начал он марать бумаги лист летучий... Так росла, творчески мужала его душа, зрела «страшная жажда песнопенья». Она сначала не выражалась на бумаге, она была закодирована в его душе.

В университетском пансионе он был любознательным, пытливым подростком, с умными, пронзительными глазами, опушенными длинными черными ресницами. Странное, почти загадочное существо. Работал он неистово. Кстати, труд в пансионе очень поощрялся.

КУРС «красноречия» читал Алексей Федорович Мерзляков. Поэт, великолепный переводчик, критик, ученый-филолог, декан словесного факультета Московского университета, профессор русской словесности Алексей Федорович Мерзляков любил, лелеял, пестовал своих маленьких воспитанников. Они ежедневно упражнялись со своим наставником в переводах, сочинениях.

Мерзляков первым почувствовал влюбленность своего ученика в само звучание русской речи.

На лермонтовское стихотворение «Есть речи — значенье...» откликнулось несколько композиторов, правда, второстепенных, но интересно, что положил его на музыку Николай Огарев, личность, очень близкая по духу Лермонтову.

Созвучия, звуковые повороты, аллитерации останавливают наше внимание чуть ли не в каждом стихотворении юного Лермонтова. Уже тогда музыка, пение играли в его жизни, в его мироощущении немалую роль. Он великолепно сам пел, играл на скрипке, фортепьяно, немного сочинял, участвовал в выступлениях пансионского оркестра. Сколько же у Лермонтова стихов о звуках, песнях, музыке, голосе, пении!.. И все это идет от «душевной музыки», от песни, от увлеченности звучанием самого песенного слова, что было так свойственно Мерзлякову, учителю Лермонтова.

Мы знаем романс на слова поэта «Слышу ли голос твой звонкий и ласковый...», где изысканная мелодия Глинки столь соответствует изяществу и пластичности поэтического слова, его внутренней музыке... Недаром стихотворение это вызвало свыше сорока музыкальных откликов, среди них — романсы Балакирева, Даргомыжского, Глазунова, Рубинштейна. Острые впечатления детства, подслушанные где-то звуки слез... В юном сознании Лермонтова живут, не уходят эти прочные ассоциации — слезы и звуки... И — «Лиры звук дрожащий, звонкий...»

Многие стихи Лермонтова необычайно быстро становились популярными песнями.

В минуту жизни трудную.
Теснится ли в сердце грусть;
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть...

Это стихотворение было напечатано в 1839 году в «Отечественных записках». И сразу же родилась песня Гурилева. Не менее пятидесяти композиторов обращалось к этим стихам... Гурилев, Глинка, Алябьев, Булахов, Мусоргский, Даргомыжский... Аранжировали ее для двух голосов и фортепьяно, для голоса и оркестра, для виолончели, арфы, гитары.

О гитаре хочу поговорить особо. В связи с Михаилом Тимофеевичем Высотским (1791—1837) — композитором, великим гитаристом. Жил он на окраине Москвы, в маленьком деревянном домишке. В гости к нему приходили артисты — Мочалов, Щепкин, Живокини, композиторы Варламов, Кашин, Алябьев. Приходили с хлебом-солью, с шампанским и студенты университета, а с ними появлялись, конечно, и Мерзляков, и Лермонтов. Ставили самовар.

Слушавшие игру Высотского долго не могли забыть гибкость, мягкость, глубину его звуков.

Шел у Мерзлякова с Высотским нескончаемый разговор о поэзии, учениках, песне, фольклоре, об аранжировках и переложениях...

В память об умершем друге, о «сладкозвучном Орфее» Алексее Федоровиче Мерзлякове, Высотский создал осенью 1830 года концертные вариации к своей же песне «Среди долины ровныя...» И стал постоянно их исполнять, как бы поминая друга. И вот, слушая эти вариации, Лермонтов вспоминал песни своего учителя... А может быть, и другие произведения Высотского потрясли его... Только той осенью 1830 года и создал Лермонтов стихотворение, звучащее, как музыка, потому и названное им «Звуки»:

Что за звуки!
Неподвижен внемлю
Сладким звукам я;
Забываю вечность,
небо, землю,
Самого себя.
Всемогущий! Что
за звуки! Жадно
Сердце ловит их...

Как странно устроена наша Россия! Стихотворение это, такое пронзительно чистое, щемящее, грустное, было напечатано только в 1875 году в газете «Саратовский листок». Сорок пять лет читатель знал его лишь наизусть. А еще через пятнадцать лет, в 1890 году, малоизвестный композитор и издатель Шульц-Эвлер создал романс «Звуки».

Пятнадцатилетний Михаил Лермонтов под влиянием своего учителя пишет стихотворение, названное им «Одиночество». А ведь и мерзляковская песня «Среди долины ровныя...» первоначально так называлась. Но не удержалось в музыкальном быту это название, потому что песню запели раньше, чем она была напечатана. Название «Одиночество» народ почему-то песне не присвоил. Но вот Лермонтов:

Как страшно жизни
сей оковы
Нам в одиночестве
влачить.
Делить веселье — все
готовы —
Никто не хочет грусть
делить.
Один я здесь, как царь
воздушный,
Страданья в сердце
стеснены...

А не напоминает ли этот «царь воздушный» «дуб» Мерзлякова, дуб, тоже отрешенный от всего земного, одинокий дуб? Тема одиночества, впервые прозвучавшая в песне «Среди долины ровныя...»—лейтмотив творчества Мерзлякова. Но ведь тема одиночества — лейтмотив и всего творчества Лермонтова...

Он скажет:

Я бегал за лучами славы,
Несчастливо, но пламенно
любил,
Все изменило мне, везде
отравы,
Лишь лиры звук мне
неизменен был!

Светлана МАГИДСОН.

ПУСТЬ ПОЛТОРА СТОЛЕТИЯ ПРОМЧАЛОСЬ...

Все позади: и ссылки и сраженья...
Но вот, печаль, неся через века,
Сердечной болью входит в объясненье
Зеленая подошва Машука.

Ему б глядеть на каждую травинку
И жить еще, и чувствовать еще...
Я вижу, как нежданную слезинку
Смахнул мальчишка с побледневших щек.

И класс притих, как будто эти тучи
Клубятся здесь, чуть ниже потолка...
Как близок шестиклассникам поручик
Тенгинского пехотного полка!

Пускай в программу это и не входит —
Читаю им, листая толстый том,
О Тереке, о грусти, о свободе
И о земле в сиянье голубом.

Пусть полтора столетия промчалось —
Он мало жил, писал не впопыхах,
Но каждый год поэзии начало
Я в лермонтовских черпаю стихах.

Не счесть имен в наследии богатом
Но ежегодно, тридцать с лишним лет
Приходит вслед за Пушкиным к ребятам
Мятежный, обогнавший век, поэт.

И снова — боль, и снова — сожаленье...
Нет, Лермонтова я не «прохожу»!
И на детей иного поколенья
Вновь не печально — с завистью гляжу.

Альфред ПРЯНИКОВ,
учитель.

с. Соколовка,
Северо-Казахстанская область.

ОБЛАКА НАД КРОВЛЕЙ

В теплый майский полдень сто пятьдесят лет назад на окраине Пятигорска поселился Михаил Юрьевич Лермонтов. Здесь он прожил два месяца. 15(27) июля 1841 года на Машуке прозвучал выстрел, оборвавший жизнь двадцатисемилетнего поэта. Спустя четверть века после его смерти была построена гимназия. Сейчас это — первая средняя школа имени М. Ю. Лермонтова. В нынешнем году она отмечает свое 125-летие.

Мне искренне жаль Зинаиду Александровну Татевосян. В школу она пришла недомогая: приступ радикулита. Но урок есть урок, тем более в школьном музее, где мне неожиданно довелось оказаться зрителем маленького театрализованного представления о поэте.

Учительница включает магнитофон. Класс наполнился торжественной музыкой. За партами—юные лермонтоведы, хранители уникального школьного музея великого певца Кавказа. Уже седьмое поколение.

...Сорок пять минут театрализованного урока пролетают, как одно мгновение. А потом ребята знакомят меня с музеем.

Он был открыт в 1964 году. Год спустя выпускники школы Лена Калаушина и Миша Момотов написали на стене мелом портрет поэта. Недавно Яна Крестинина картину реставрировала.

Зинаида Александровна Татевосян — прирожденный словесник, музеем руководит пятнадцатый год.

— Все здесь сделано и оформлено руками ребят,— рассказывает она.

Вспоминает учительница Володю Лормана, очаровавшего в конкурсе юных лермонтоведов самого Андроникова. Тогда школьнику вручили приз — часы с кукушкой. Сейчас он — кандидат технических наук. А вот Лена Петелина всегда отличалась прилежностью на уроках литературы. Стала журналистом.

Ну а самое главное, считает учитель-методист с тридцатилетним стажем, литература может воспитать у подростков человеколюбие, преподать им философию жизни, нести добро, красоту, истину.

Пятигорск для Зинаиды Александровны родной город. Профессию педагога-литератора она выбрала потому, что с детства влюблена в поэзию Лермонтова. Здесь, в предгорьях Кавказа, ею исхожена каждая тропка поэта.

Много еще «белых пятен» в жизни Михаила Юрьевича. Противоречивы свидетельства современников о дуэли, не установлено точно место поединка. Да и учебники литературы, увы, грешат антиэстетизмом и фальшью, равнодушием и неточностями.

Вот и решила Зинаида Александровна увлечь ребят поиском малоизвестных лермонтовских страниц, в творческом сотрудничестве с ребятами отыскивать новые факты, размышлять, в спорах отстаивать свои версии.

Так рождались уроки-раздумья, нешаблонные сочинения о поэте. Рождались там, где во время грозы облако спускается до самой кровли школы.

Я. ПЕНЬКОВ.
(Спец. корр.).

Пятигорск.

Учительская газета. - 1991. - 30 июля - 6 августа. - с. 11.

...И ОБЕСПЕЧИЛ БЕССМЕРТИЕ

В статье «Горе от ума», «Мастер и Маргарита» (см. «УГ» № 48 за 1990 г.) учительница Р. Мошинская уже упоминала одну из настольных книг Михаила Булгакова «Грибоедовскую Москву» М. Гершензона. Она рассказывала об обитателях так называемого «дома Фамусова» на Страстной площади — Марье Ивановне Римской-Корсаковой и ее детях. Из книги Гершензона можно узнать еще и о том, что планы неосуществленного пушкинского романа, который после смерти поэта издатели назвали «Роман на кавказских водах», связаны с семейством Римских-Корсаковых, в частности, с приключением, пережитым семьей во время поездки на Кавказ. Прототипами будущего романа, судя по пушкинским планам, послужили сама Марья Ивановна, ее дочь Натали (у Пушкина — Мария) и сын Григорий Александрович, приятель Вяземского и Пушкина.

О Григорием Александр о в ичем, как известно, зовут героя другого, состоявшегося романа, действие которого происходит на Кавказе и на кавказских Минеральных Водах.

Ну, конечно же, имеется в виду «Герой нашего времени». Знал ли Лермонтов замысел Пушкина? Трудно сказать. Но среди близких ему людей был В. Жуковский, разбиравший после смерти Александра Сергеевича его бумаги. Может быть, «Княжна Мери» — своеобразный памятник, воздвигнутый Лермонтовым боготворимому им поэту.

Книга Гершензона позволяет обнаружить сходство между юной Натальей Римской-Корсаковой и княжной Мери, Марией Ивановной и княгиней.

А теперь откроем «Мастера и Маргариту» и с первых же строк почувствуем, как лермонтовские образы проступают сквозь булгаковский текст. Завязывается роман около будочки с надписью «Пиво и воды». Несколько раз повторенные слова «аллея», «липы», «скамейка» — в сочетании с «нарзаном», которого нет, и Кисловодском, куда напрасно мечтает сбежать Берлиоз — все так или иначе напоминает о повести «Княжна Мери».

И у Лермонтова, разумеется, в воздухе пахло серой. А у булгаковского киоска на Патриарших от воды «запахло парикмахерской». Сера — запах ада. К запахам парикмахерской питает слабость Грушницкий, познакомившийся с княжной Мери у серного источника, где он лечит раненую ногу. От него «несет» розовой помадой и духами — запахами, раздражающими Печорина и Понтия Пилата. На Патриарших происходит знакомство писателей с сатаной, о больном колене которого мы тоже узнаем из текста.

ВНЕШНОСТЬ незнакомца в одной из версий приводила на память одного из персонажей «Княжны Мери». Незнакомец был мал ростом, зубы имел золотые и хромал на правую ногу. Почти портрет доктора Вернера, который «был мал ростом и худ, и слаб, как ребенок; одна нога у него была короче другой, как у Байрона... Молодежь прозвала его Мефистофелем...». В одежде Воланда и Вернера заметный «вкус и опрятность», оба носят в жару перчатки, оба ходят с тростью. У Вернера прозвище — Мефистофель, у Воланда набалдашник трости в виде головы черного пуделя — одного из обличий Мефистофеля. Воланд сидит на скамейке, положив руки на набалдашник трости, а подбородок на руки. В тихой позе он, конечно, напоминает известную скульптуру Антокольского, изображающую Мефистофеля.

Как почти все медики, Вернер «скептик и материалист». Он изучил все живые струны сердца человеческого, как изучают жилы трупа. Воланд скептик, но не материалист. Его удивляет атеизм писателей, отрицающих и Бога, и дьявола. «Что же это у вас, чего не хватишься, ничего нет!» Воланда, как наблюдателя и философа, тоже интересуют «живые струны сердца человеческого».

СХОДСТВО обнаруживается и в некоторых географических реалиях. Мы узнаем, что в окрестностях Кисловодска возвышается Лысая гора, одноименная горе в окрестностях Ершалаима, где совершилась казнь над Иешуа Га-Ноцри. Кавалькада, которую встречает Печорин у Лысой горы под Кисловодском, перекликается со зловещей конницей у Лысой горы Голгофы. Солнце у Булгакова «валилось куда-то за Садовое кольцо», герои Лермонтова ездят созерцать заход солнца через круглое отверстие в скале, называющейся «кольцо».

«Дом грибоедовской тетки» сотворен Булгаковым из трех московских «домов»: «Дома Фамусова», «Дома Герцена», где действительно располагались писательские организации, и «Дома Кольцова», знаменитого своим рестораном. Все дома «бывшие», все приспособлены для новых функций.

В лермонтовском романе происходит нечто подобное. Зала ресторации по мере надобности то становится бальным залом дворянского собрания, то концертным залом, где происходит выступление фокусника, скорее всего, немца. «Вчера приехал сюда фокусник Апфельбаум. На дверях ресторации явилась длинная афиша, извещающая почтенную публику о том, что вышеименованный удивительный фокусник, акробат, химик и оптик будет выступать в зале благородного собрания (иначе — в ресторации)». В театре Варьете Воланд появляется в качестве иностранного фокусника, что подтверждает афиша, принесенная в кабинет финдиректора Варьете Григория Римского (тезки Григория Римского-Корсакова).

Герой Булгакова, как и герои «курортной» повести Лермонтова, то и дело принимают ванны. В клинике Стравинского превосходные ванны отделения, на балу у Воланда гости купаются в бассейне с шампанским, неожиданно превращающимся в коньяк. Перед балом Маргарита купается в реке, в которой вода тепла, «как в бане», и выходит оттуда исполненная сил и бодрости. Вспомним, что и Печорин перед дуэлью возвращает себе силы с помощью нарзанной ванны. «Я вышел из ванны бодр и свеж, как будто собирался на бал».

«НЕХОРОШАЯ квартира» на Садовой, где разместилась приехавшая в Москву «нечистая сила», может напомнить о другой «нечистой квартире» — из повести «Тамань». Из квартиры в Тамани тоже неизвестно куда исчезали люди, она тоже пользовалась дурной репутацией. В квартире в Тамани «ни одного образа» — в квартире в Москве проживали воинствующие атеисты...

Слепой мальчик в «Тамани» ведет себя почти как Воланд на Патриарших. Акцент у «иностранца» то пропадал, то появлялся, то он и вовсе перестал понимать по-русски. Слепой мальчик то говорит по-малороссийски — с чужими, то по-русски — с хозяевами.

Встречаются переклички между завершающей «Героя нашего времени» повестью «Фаталист» и «Мастером и Маргаритой». Лермонтов рассказывает о предопределении, о невозможности избежать судьбы. Печорин предсказывает день смерти («сегодня») офицеру Вуличу, только что нажавшему у себя над виском курок заряженного пистолета. Осечка была случайной, и предсказание Печорина сбывается: в тот же вечер Вулича зарубил пьяный казак. О Вуличе известно, что вина он почти не пил, за молодыми казаками не волочился. В «Мастере и Маргарите» дата гибели предсказана двум также весьма воздержанным персонажам: некурящему Берлиозу и буфетчику Андрею Фокичу Сокову, который вызывает недовольство Воланда, отказавшись от вина.

ДУМАЮ все же, что основная причина, заставляющая Булгакова цитировать Лермонтовский роман, в его названии. Лермонтов называет героем своего времени молодого, разочарованного в жизни офицера Печорина. Он — герой Времени, он герой романа.

А кто герой «Мастера и Маргариты»? Только ли Мастер?

Основная тема, соединяющая сферу «грибоедовской» литературно-театральной Москвы советского времени с ершалаимскими главами романа, написанными «героем» — Мастером,— это тема Власти и Духа.

Понтий Пилат отправляет на казнь Иешуа из страха перед кесарем — перед Властью более могущественной, чем власть «игемона». Судьба Мастера искалечена трусливыми чиновниками от литературы, обывателями-доносчиками и трудолюбивым «учреждением», охраняющим «лучшую для людей власть». Власть, олицетворенную в одном человеке, Герое Нашего Времени. Как и подобает Герою античности, этому человеку воздвигнуты статуи.

В романе «Мастер и Маргарита» друг другу противостоят два героя. Герой, которого читатель видит на страницах романа — «отделанный» подручными Власти, затравленный Мастер, угадавший истину и нашедший земной приют в психушке. Другой Герой в романе не назван. Он — Власть. Он Вождь классагегемона (Игемона!). Ему служат силы, ополчившиеся против Мастера. Не случайно фамилия критика, разгромившего ненапечатанный роман Мастера — Латунский. Латунь — металл для подделок, имитаций, «самоварное золото». Не свои мысли изложил зловредный критик, его статья—отражение идей Вождя и Учителя — с металлическим именем-псевдонимом, кумира стального века.

И не случайно Воланд и его свита так напоминают читателям Сталина и его окружение. К Воланду обращаются — «мессир» — хозяин. «Хозяин» — так с некоторых пор именовали Вождя. Сам он любил называть себя Мастером революционной борьбы. Слово «мастер» было любимой похвалой Хозяина. Официально — мастер спорта, мастера искусств. О Мандельштаме — Пастернаку: «Он ведь мастер?»

Мессир и Мастер. Хозяин и Мастер. В средневековье — мастер и хозяин — одно лицо. Ремесленник, артист, умелец — владелец мастерской, учитель для подмастерьев. Отсюда — мастер, мистер, но и маэстро — учитель, артист.

В «Мастере и Маргарите» Хозяин противопоставлен Мастеру. Двойное «В» — W, знак «хозяина», противостоит знаку Духа — «М». Это противостояние роковое не только для распинаемого, гонимого, но и для гонителя. Потому что помянут одного, помянут и другого. И навечно будет низвержен с пьедестала и опозорен в веках тот, кто Власть противопоставил Духу. Называйся он Понтием Пилатом, Людовиком Солнце, Николаем Первым или Великим Вождем класса-гегемона.

ТЕМА БЕССМЕРТИЯ — одна из главных в романе Булгакова: «Внезапно пришедшая мысль о бессмертии мучает Понтия Пилата, отдающего на казнь Иешуа; о бессмертии Достоевского рассуждают бесы Коровьев и Бегемот у входа в «дом грибоедовской тетки». Поэт Рюхин с завистью думает о Пушкине: «Повезло, повезло! — стрелял, стрелял в него этот белогвардеец, и раздробил бедро, и обеспечил бессмертие...»

Увы. В русской литературе так «повезло» не только Пушкину. На дуэли от пули «белогвардейца» погиб другой бессмертный гений — Михаил Лермонтов.

«Странные мысли» Рюхина у памятника Пушкину, как давно отмечено, перекликаются со стихотворением Маяковского «Юбилейное», в котором есть почти прямая цитата из Лермонтова: «Так сказать, невольник чести... пулею сражен...»

Поэт — невольник чести. Честь — по Пушкину, «святыня своей совести».

Над секретами бессмертия билась поэтическая мысль Пушкина — «Веленью божию, о муза, будь послушна, обиды не страшась, не требуя венца...», Лермонтова — «И прежний сняв венок,— они венец терновый, увитый лаврами, надели на него...» и Маяковского «К нам Лермонтов сходит, презрев времена...»

Р. МОШИНСКАЯ,
учительница 292-й московской школы.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Самое лучшее, что могут сделать создатели нового учебника русской литературы,— это поместить на его форзаце схему из различной толщины и окраски пересекающихся линий. Чтобы каждая из них точно и убедительно показывала место и значение в отечественной словесности того или иного литературного имени.

Так вот, на такой схеме, составленной известным литературоведом П. Палиевским, одна из самых мощных и самых коротких линий принадлежит Лермонтову. Подобно ракете, устремлена она ввысь к недосягаемому, плавно текущему над безбрежным океаном русской поэзии, солнечному пушкинскому потоку.

Да, творчество Лермонтова ближе всего подступило к «солнцу всей нашей поэзии». И оборвалось на самом своем высшем подъеме. И сама лермонтовская поэзия воспринимается как таинственное нерукотворное чудо, которое вроде бы существовало всегда, как данность, ниспосланная на землю.

Мы видим белеющий вдали парус и удивляемся ему не меньше, чем рублевской «Троице». И невероятное — «звезда с звездою говорит», нам кажется же волшебством, не меньшим, чем соната Бетховена.

Нет, Лермонтов не спешил расстаться с земными делами, иначе бы не просил бабушку в одном из последних писем выслать ему сочинения Шекспира в подлиннике. Перечитывая «Бородино» и зная об интересах его автора к героям Отечественной войны, через два года после которой он родился, можно предположить, какую бы СВОЮ «Войну и мир» оставил он своим соотечественникам. И как бы она читалась сегодня нами, если такой тонкий стилист, писатель с мировым именем, Чехов не раз ловил себя на желании переписывать «Тамань» фразу за фразой.

Б. ВОЛКОВ.